

Родился 6.12.1989 в городе Гатчина Ленинградской области. По образованию - физик, выпускник Санкт-Петербургского Политеха, кафедра физики полупроводников и наноэлектроники.

Стихи начал писать в 2005 году, ещё будучи школьником, выступать с ними начал в 2007 году на различных поэтических площадках Санкт-Петербурга, включая поэтический салон "Карповка, 28", бар "Никаких Орхидей" и арт-салон "Невский 24".

Стихи были неоднократно опубликованы в различных литературных изданиях, в том числе в журнале "Аврора" и в "Литературной газете".

Среди любимых поэтов - Владимир Маяковский, Марина Цветаева, Александр Башлачёв, Олег Медведев и другие.

Лауреат поэтического фестиваля "Поэзия Улиц 2014" (3 место).
В 2015 году проходил срочную службу в рядах ВС РФ, в/ч 11115.

Всю жизнь мне чего-то мало: в ларце - награда,
 На полке - книжек, на кухне - вина и мяса.
 Всю жизнь я частично, неполноценно рад.
 Конечно, можно над этой бедой смеяться,

А я от обиды землю кусать готов:
 Опять мне мало! Всё так, да не так, как надо!
 И мне к идеалу не навести мостов -
 Их жжёт какой-то, в одежде под брендом grada.

Поэтому я нервозен, нетрезв, зубаст,
 И голос громок, и жесты порою резки.
 Я - бык цирковой: на спину вскочил гимнаст,
 И я бегу, разъярённый, на древней фреске,

А ловкий юнец, блаженствуя в мастерстве,
 Смеётся, пляшет, как я ни мотай башкою...
 ...Пустеет стакан, и сангрия в голове
 Заводит песню, что я - не родня покою,

Ведь я всё, что было, выпил, но не допил,
 Поджёт влюблённостью сердце своё - напрасно.
 Хихикает бес унынья, исполнен сил,
 Моё бессилье ревёт перед тряпкой красной.

Последний кораблик остыл...
 (с) Егор Летов

Вы любите прошлое? Старые книги в ларцах,
 Казённые лица меняющих мир документов.
 Приказы вождей — антидоты в бесстрастных шприцах,
 Величие тех, кто с людьми говорит с постаментов.

Послушайте их, не смотрящих с тоскою назад.
 Ушедшие вслед за последней великой войною
 Вам скажут, что судьбы сплетаются в прочный канат,
 Что вечен огонь под не вечной кремлёвской стеною.

Послушайте их: сквозь года они нам говорят,
Что жизнь их однажды закончилась, не прекратившись.
По тихой команде ушедшие строятся в ряд,
И время, как Красное море, молчит, расступившись.

Но прежде, чем кануть в безвременье, каждый из них
Оставил подарок героям грядущих столетий.
Пылились на полках они, как наборы шутих.
Мы с ними играли — романтики, рыцари, дети.

Успев на прощание с миром, что нас породил,
Мы сердцем впитали желаний причудливых ворох.
Неслись наши души, как кони, не зная удил,
И путался разум в опущенных временах шторах.

Мечтая сорваться со старой привычной оси,
Мы Космос хотели вместить в человечьи объятия.
Мы верили: небо раскроется, лишь попроси!
Так нам говорили подросшие старшие братья...

Казалось, что новые горы мы вместе свернём
И первыми вылетим к новым, неведомым звёздам,
Но... ржавчина съела ракеты — ей всё ни по чёму,
А старшие братья остались в разбомбленном Грозном.

Мы стали сильнее и даже немного мудрей,
Но, слава Гагарину, всё-таки не повзрослели.
Нам снятся порою фрегаты межзвёздных морей,
Плывущие к Марсу по тридцать седьмой параллели.

И каждый из нас — своего корабля капитан,
И все бортовые журналы, как мощи, нетленны.
Нам снится Жюль Верн — он напишет последний роман
И выстрелит нами из пушки в глубины Вселенной!

Безумнее этих холодных, космических снов
Никто ничего не видал, да и вряд ли придётся!
Прекраснее нет ничего, чем увидеть богов
И кожей почувствовать жар настоящего Солнца!

Кровавый фартук. Капли вниз по лбу.
Страданием прокурена палатка.
Вчерашний день покоится в гробу.
На нынешнем — корявая заплатка.

Я был врачом. Я резал и сшивал,
Я доставал свинец и сталь из плоти.
Был рядом фронт. Войны девятый вал,
Идя вперёд, прошёл по нашей роте.

Мы кипятили старые бинты,
И сквозь бинты росли, стесняясь, розы —
Как знамя наше, алые, цветы.
И все кричали. Не было наркоза.

Вливая людям в глотки самогон,
Чтоб забытьём сменить на время ужас,
Мы все переходили рубикон,
Вскрывая суть, внутри от боли тужась.

Не бойся, друг, иди и посмотри —
Лоскутья кожи разметались гривой.
Я видел всё. Всё, что у нас внутри.
Внутри мы поразительно красивы.

Мы гармоничны, правильны, чисты,
И в сердце, кроме крови, есть отвага,
Любовь, молитва, битые мечты...
Перечитайте доктора Живаго!

Жестокостью невиданной леча —
С врагами впору видеть параллели —
Клянусь высоким званием Врача:
Мы их сильнее всех тогда жалели.

Вечер, метро, в тоннеле светло, как днём.
Стук не сдержат, он рвётся из сердца прочь.
Не попадая в нормы дверной проём,
Снова я бьюсь об стену, горох точь-в-точь.

Значит, пришла пора покидать насест...
Чёртова память, яростней пламеней!
Из всевозможных псевдоспокойных мест
Я выбираю землю и прячусь в ней.

Я выбираю призрачное метро —
Нет настоящих линий, фальшив билет.
Можно всю жизнь лететь сквозь его нутро —
Станций конечных тоже, по счастью, нет.

Я выбираю ветер, что бьёт в лицо
Через окно из светлых, пустых глубин.
Есть, говорят, в столице его кольцо,
Тот, кто наденет — тот навсегда один.

Город над нами бьётся в силках — час пик!
Новые мысли тонут в дрянном спирту.
Новые лица тот же корёжит тик —
Вредно, конечно, правду держать во рту.

А по тоннелю поезд летит стремглав
Новым маршрутом — он ни хорош, ни плох.
Жизнь продолжает список стандартных глав —
Пёрышком писчим тихо помашет Бог,

Поезд сорвётся в сумрак, к иным мирам,
Стукнув меня о поручень головой...
Старый вагон — как мрачный, забытый храм,
Мчашийся вдаль под призрачною Невою.

Наверно, мечтать опасно. Но всё-таки я мечтаю —
 Мечтаю о ярких звёздах на башнях больной Москвы,
 О том, что в рассветном солнце когда-нибудь я расту,
 О том, что мне хватит духу однажды пойти «на вы».

Конечно, мечтать опасно. Ведь сотнями погибают
 На войнах, в штормах и в драках мечтатели, дураки...
 От берега в даль слепую их камешками кидает,
 И волны бегут кругами по гладкой спине реки.

Конечно, мечты нас губят, но свеч этот покер стоит,
 Ведь можно повысить ставку и выиграть на века
 Бессмертие Магеллана — незыблемое, простое.
 А после — лежать спокойно, как в книге лежит строка.

Вы правы: мечты нас губят. Но я не хочу иначе.
 Я — камень. Я пущен к Солнцу, а смертью к земле влеком.
 И пусть не такой же яркий, и пусть не такой горячий,
 И пусть мне лежать в палате кровавым, немим комком —

Ни разу не пожалею! Пускай очевидно всё вам,
 К мюнгхаузеновской пушке уже поднесён запал —
 И я упаду свободным, всезнающим и весёлым,
 А к старости разберёмся, кто ниже из нас упал!

*“Время в своём движении тоже сталкивается
 с препятствиями и терпит аварии,
 а потому кусок времени может отколоться
 и навечно застрять в какой-нибудь комнате.”*
 Г.Г.Маркес. Сто лет одиночества.

Я — осколок эпохи, которой здесь больше не будет.
 Потерпело аварию время специально для нас,
 И обломки его растащили по комнатам люди,
 Оправданием сделав вердикт одураченных масс.

Я — осколок, отбитый внезапным крушением колосса...
 Нынче кажется многим забавной такая стезя,
 Но я понял, что лучше не станет, когда откололся:
 Погруженья империи в сумрак избегнуть нельзя.

Да, наверно, я слабый, мне быть уготовано мёртвым,
Но я формой своей сохраняю великий момент
И, подбитым врагом, но не сдавшимся «тридцатьчетвёртым»,
Я в дырявой броне заезжаю на свой постамент.

И в привычной вам всем многоликости анабиоза
Я застыл на бесчисленных улицах и площадях.
Я в квартиры проник и вошёл в повседневную прозу,
Став безмолвным арбитром в бессмысленных ваших страстях.

Я — музейев король, я — ненужная людям копейка,
Я — хрущёвка, я — Кремль, я — окончившаяся война,
Фотографий размытость, и старая добрая «лейка»,
Но желтеют страницы, и ржавчина ест ордена...

Я — осколок, я вижу сквозь годы своё поражение.
Нас, идущих в безвременье, целая чёртова рать.
Моя форма уже не выдерживает разложения.
Не устаньте, пожалуйста, крошки мои собирать...